Текст · 12 октября 2022, 07:36
Билл Донахью,

«Пустите нас лучше на все четыре стороны». История отца и сына, которые на лодке бежали из СССР в США через Берингов пролив

В начале октября на Аляске были задержаны двое мужчин: они утверждали, что бежали от мобилизации в России из чукотского поселка Эгвекинот через Берингов пролив. Очень похожий путь летом 1945 года проделали Валерий Минаков и его шестилетний сын Олег. Судовой механик Минаков, происходивший из семьи украинских кулаков, сам построил каяк, на котором они за неполные сутки смогли перебраться из СССР в США. Им суждено было увильнуть от советского корабля, столкнуться с американскими отрядами тероборонs на острове Святого Лаврентия и в итоге получить убежище в Соединенных Штатах. Но дальше их ждали тяготы эмиграции, шпиономания и тщетные поиски «хороших русских». Журналист Билл Донахью изучил историю семьи Минаковых и материалы ФБР, а также встретился с Олегом и его близкими. «Медиазона» перевела его статью, которая была опубликована в журнале *Atavist*.

Часть первая

В четыре часа утра 23 июня 1945 года Валерий Минаков вышел под ярким арктическим солнцем на пляж холодного и голого побережья Чукотки, недалеко от самой восточной точки российской Сибири. Здесь, недалеко от военной метеостанции на мысе Чаплина, Валерий забрался в лодку,

которую смастерил сам из моржовой шкуры, куска велосипедной рамы и небольшого мотора в три лошадиные силы. Вода, в которой покачивалась лодка, в то утро была около 1 градуса, и ее покрывали льдины размером с автобус. В носовой части лодки Валерий разместил несколько пятилитровых канистр с бензином, немного консервов, молочник с питьевой водой и единственного пассажира — маленького мальчика.

Олегу, сыну Валерия, уже исполнилось шесть лет; он был черноволосым, худощавым, с взволнованными карими глазами. Он многое пережил за свою короткую жизнь. Когда Олегу было три, его младшая сестра умерла от голода — одна из 25 миллионов смертей во время войны в СССР. Олег видел труп, лежавший на металлическом кухонном столе перед тем, как его унесли для захоронения. Потом, в 1942 году, его мать Анна сбежала с офицером Красной армии. Следующие три года мальчика воспитывал отец — механик, кочующий по военно-морским базам. В конце концов они оказались на Чукотке.

Это было одинокое существование. У Олега не было друзей, с которыми он мог бы играть в лис и гусей — в догонялки на снегу. Его отец, как позже сказал Олег, был «как тень»: «Он вроде и был рядом, но его как будто не было». К 35 годам Валерий стал странным. Жизнь травмировала его. Возможно, он был психически болен. Когда вечером он шел выпить, то оставлял Олега одного в бараке, где они жили. Пьяным Валерий часто ввязывался в драки. Он был мускулистым, 185 сантиметров ростом и 75 килограммов весом, и Олега восхищала физическая сила отца. Однажды он

поднял автомобиль за бампер и подсунул под него домкрат. Сила Валерия, однако, была сжата внутри, как пружина. Он был беспокойным курильщиком. Он ходил со стиснутыми челюстями, скрипел зубами и временами срывался на Олега. Когда в военной столовой мальчик ко всеобщему восторгу швырнул ложку борща в лицо офицеру, отец избил его.

Но хотя Валерий совсем не был образцовым отцом, они с сыном были вполне себе командой. Олег очень любил конец недели, когда отец получал зарплату: Валерий доверял мальчику небольшие суммы и отправлял его за покупками. В кузнице, где иногда работал Валерий, он давал Олегу работать с мехами, чтобы поддерживать огонь. Если отец и сын шли по улице и дул сильный ветер, Олег сжимал руку Валерия и заворачивался в подол его длинной тюленьей шубы, чтобы его «не унесло в никуда».

Сейчас Олег сидел в самодельной четырехметровой лодке, а его отец готовился переплыть на ней Берингов пролив — один из самых опасных на земле. Неглубокое дно пролива способно поднимать чудовищные волны, а когда он замерзает, обычно в октябре, превращается в нагромождение льдин, которые трещат на морозе и с огромной силой врезаются друг в друга. Лед начинал таять только в июне, поэтому Валерий выбрал этот месяц для перехода.

Он начал грести прочь от берега, оглядываясь на ледник, сковавший обрывистый берег. Мотор он не заводил. Валерий направился на север — к группе островов, где любили охотиться морские офицеры.

Если бы что-то пошло не так, он всегда мог сказать, что взял сына пострелять уток.

Как только они оказались достаточно далеко от берега и их скрыли высокие глыбы льда, Валерий потянул за пусковой шнур. Но мотор не заводился. Валерий запаниковал и минуты три тщетно продолжал дергать шнур, но тут Олег заметил, что свеча зажигания не вкручена. Неполадка была исправлена, и мотор заурчал.

— Куда мы плывем? — спросил Олег.

— В Америку, — ответил Валерий.

Олег никогда не слышал о таком месте, поэтому ничего не сказал. Он сидел впереди, наблюдая, как отец ведет лодку. Валерий рассеянно курил, и вокруг его щетинистого подбородка клубился дым. Америка, подумал Олег, наверное, далеко. Он положил голову на борт лодки и укрылся брезентом, чтобы согреться. Потом он уснул.

Олег был восприимчивым ребенком. Когда ему было четыре года, его очаровала напыщенная мелодия, которую каждое утро крутили по радио. Это был гимн Иосифу Сталину с рефреном: «Он дал нам счастье и свободу!.. Великий мудрый вождь народа». Олег любил подпевать. Со временем он решил, что хочет стать десантником в сталинской армии.

Это была мечта, которую он пронес через все свое тяжелое детство. Большую часть времени он голодал. На одной из баз, где они жили с Валерием, Олег пробрался в палатку Красного Креста и украл

плавленый сыр *Velveeta* и какао-порошок. Отец работал целыми днями, предоставив сына самому себе. Однажды мальчик бродил по замерзшему озеру и провалился в ледяную воду по голени. Он добрался до незнакомой хижины в нескольких километрах от дома и дрожал у огня, пока каким-то чудом не появился отец, чтобы забрать его. Бывало и так, что Валерия подолгу не было рядом — он был в отъезде, уходил в море или отправлялся в командировку на строительство дизельных электростанций. В такие моменты Олег отправлялся в какой-нибудь детский дом.

В одном из таких детских домов Олег узнал, что к ним в гости приедет сам Сталин. Сотрудники несколько дней шили Олегу маленькую шерстяную форму десантника, а затем привели одетого в нее мальчика к вождю. «Я вижу, как Сталин сидит в большом кресле и улыбается, — вспоминал позднее Олег, — а я забираюсь к нему на колено и спрыгиваю, как десантник».

Но большая часть жизни Олега была менее праздничной. Он был окружен жестокостью. Рядом с базой на мысе Чаплина бригады ГУЛАГа строили новый поселок Провидения. Однажды во время прогулки Олег поднялся на вершину холма и посмотрел вниз, в долину, где множество заключенных вычерпывали ведрами грязь, а за ними следили вооруженные пистолетами охранники.

Валерий боялся стать одним из этих заключенных. На Чукотку он попал изрядно потрепанным историей своего государства. Валерий Минаков родился в 1909 году в небольшом украинском поселке Орлянское.

Его отец Тихон участвовал в Первой мировой и попал в плен к немцам. Потом бежал, но по возвращении домой страдал от контузии и того, что сейчас называют посттравматическим стрессовым расстройством. В 1918 году, уже после революции, Тихон и его семья столкнулись с новой угрозой. Владимир Ленин заявил, что рассматривает Украину как кладовую для всего Советского Союза. В послании большевистскому руководству Украины он говорил: «Зерно, зерно, зерно», требуя, чтобы оно ежедневно отправлялось в менее плодородные районы.

Эта политика была равносильна нападению лично на родителей Валерия. Минаковым принадлежало более 40 гектаров земли, где росли виноград и пшеница, а Ленин требовал захватить посевы всех кулаков. В аграрных районах Украины яростно противились этому, однако протесты ни к чему не привели, и советская машина работала в полную силу. Для многих это стало фатальным. В 1921 и 1922 годах, когда Валерию исполнилось 12 лет, Украина страдала от засухи, за которой последовал голод, опустошивший Запорожскую область, где жили Минаковы. Когда норвежский дипломат Видкун Квислинг посетил Запорожье в феврале 1922 года как представитель Лиги Наций, он написал: «Положение ужасное. Согласно официальной статистике, из 1 288 000 жителей области 900 000 голодают. Шестьдесят процентов голодающих — дети».

Сталин, пришедший вскоре к власти, оказался гораздо страшнее Ленина. Он начал кампанию по коллективизации и пообещал «ликвидацию кулачества как класса». Осенью 1929 года имущество

Минаковых конфисковали, а семья была вынуждена укрыться в соседней деревне.

В 1932 году Валерия призвали в Советскую армию. Он ненавидел Сталина, но у него не было иного выбора, кроме как служить. Он стал корабельным механиком. Однажды Валерий наблюдал, как 50 заключенных — все бывшие кулаки — были сброшены в воду с грузами, привязанными к их шеям.

Потом, когда нацисты в 1941-м оккупировали Украину, они принялись изымать зерно еще более рьяно, чем когда-то Сталин. Согласно одному из отчетов, к тому моменту, когда в 1944-м немцев выгнали, население Орлянского упало с двух тысяч до 78 человек. Родители Валерия выжили, дождавшись освободителей, но последствия войны взяли свое: летом 1944 года они оба умерли.

В том же году за тысячи километров от Орлянского, на Чукотке, Валерия поймали, когда он пытался оставить антисталинскую надпись в библиотечной книге. «Меня словно окружали агенты и шпионы», — рассказывал он позже. Паранойя закралась в его жизнь. Он стал думать, что начальство хочет удалить ему один глаз хирургическим путем, чтобы использовать его роговицу для трансплантации утратившему зрение генералу. Валерий легко мог вообразить себе такую угрозу: Сталин был готов убить до 20 миллионов политических противников за время своего правления, и если кто-то хотел заполучить роговицу Валерия, это не составило бы проблемы.

К 1945 году родители Валерия были мертвы. Жена ушла. Ни у него, ни у сына в Советском Союзе ничего не осталось. А прямо за горизонтом была Америка.

В начале мая 1945 года Валерий начал собирать доски, чтобы построить каркас каяка. Он также нашел велосипедную раму, которую можно было использовать как кронштейн для подвесного руля, а еще сломанный одноцилиндровый двигатель с водяным охлаждением, который когда-то использовался в генераторе на радиостанции, и восстановил его. Он купил несколько моржовых шкур у чукчей, которые использовали их для своих охотничьих лодок. В то время как деревянное судно может разбиться о камни или лед, «лодка из кожи полужесткая и лишь деформируется», сообщал *New York Times* миссионер-иезуит, прошедший 700 миль вдоль побережья Аляски в 1938 году.

Валерий держал свой план в тайне от сына, а к проектированию лодки подошел максимально осторожно. Он настроил систему рулевого управления так, чтобы она казалась сломанной: лодка шла влево, когда руль поворачивался вправо, и наоборот. Он привязал трубы к обеим сторонам корпуса. Это помогло плавучести, а также улучшило внешний вид лодки. Но Валерий хотел, чтобы лодка казалась неспособной противостоять вздымающимся волнам Берингова пролива; он хотел, чтобы она выглядела смертельно опасной. Если бы кто-нибудь заметил его, он бы просто сказал, что ходит на этой лодке по мелким делам у мыса Чаплина.

Когда лодка была готова, Валерий вывел сына на пробное плавание. Они отправились охотиться

на уток. «Моя работа, — говорил потом Олег, — заключалась в том, чтобы сидеть на носу и вести себя очень тихо, пока мы не подойдем прямо к уткам. Потом я резко вскрикивал, чтобы утки взлетали, а он стрелял в них. Если я поднимал шум слишком рано, папа злился». А Олег часто ошибался с этим.

В какой-то момент Валерий дал сыну поуправлять лодкой, но тот врезался кормой в льдину, погнув винт двигателя. Вернувшись домой, Валерий устранил поломку, а затем начал собирать вещи. Более 20 тысяч советских граждан попытались бежать в США после Второй мировой, но Валерий с сыном должны были стать первыми и единственными советскими перебежчиками, которые переплывут ради этого Берингов пролив.

Пролив — единственное место, где Россия и США граничат друг с другом. В самом узком месте между странами всего 85 километров, и когда-то пресс-секретарь советского генсека Михаила Горбачева назвал Берингов пролив «ледяным занавесом». Сегодня пролив также имеет особое политическое значение. Считается, что по мере таяния полярных льдов и улучшения судоходства в северных широтах все больше грузовых судов будут проходить здесь, а не через Панамский канал. Президент Владимир Путин показал твердое намерение укрепить контроль над регионом. С 2015 года Россия открыла или расконсервировала около 50 арктических военных баз, в то время как НАТО активизировал в норвежской Арктике военные учения и развертывание войск.

Летом 1945 года, когда Минаковы отправились в плавание, Берингов пролив уже был пронизан ощущением холодной войны. Во время Второй мировой США и СССР были союзниками. Действительно, Вашингтон предоставил Советскому Союзу 11,3 млрд долларов (180 млрд долларов в сегодняшнем эквиваленте) и отправил в общей сложности 14 тысяч самолетов, в основном через пролив. Но это было далеко от настоящей дружбы. В 1940 году Франклин Рузвельт назвал правительство Сталина «диктатурой столь же абсолютной, как и любая другая диктатура в мире». Позднее он сравнивал свои контакты с советским лидером с тем, чтобы держаться за руку с дьяволом. Что касается Сталина, то он начал жесткую игру в Беринговом проливе еще до войны. Когда в конце 1930-х отец Том Каннингем, миссионер-иезуит с Аляски, отправился через замерзший пролив на советскую территорию, чтобы поохотиться на моржей, он был схвачен с применением оружия.

Валерий надеялся, что благодаря арктической погоде их не заметят. Июнь был достаточно холодным, и большинство военных самолетов приземлялись на покрытых льдом аэродромах. Понемногу оттаивающий пролив представлял собой коктейль из морской воды и льдин, из-за чего пилоты гидросамолетов просто не могли найти поверхность для посадки. Патрульные катера, пришвартованные в советских гаванях, были зажаты льдом и не могли быстро выйти в море. Единственным средством, которое военные могли использовать для погони, были шесть небольших вельботов. Валерий знал об этом благодаря работе на флоте, и за несколько дней

до побега он незаметно вывел двигатели вельботов из строя.

Тем не менее, когда они вышли в путь, Валерий все время был начеку. Примерно через пять миль пути Минаковы увидели на льдине двух чукчей, охотившихся на тюленей. Мужчины окликнули Валерия, и он ответил двумя выстрелами, как если бы он действительно был на охоте. Дальше Валерий прошел по мелководью над банкой Брукса[1]

и повернул на восток. Он мало знал об Америке, но знал, куда держать путь. Город Ном на Аляске был плохой идеей: там были советские военные[2]. Но к югу от Нома, недалеко от устья реки Юкон, жили, как он слышал, несколько русских семей, иммигрировавших на материковую часть Аляски с Алеутских островов. Он надеялся, что они примут его и сына.

Около 11 утра недалеко от лодки внезапно появился советский парусник — кеч. Он следовал за ними и быстро приближался. Корабль был недостаточно близко, чтобы можно было увидеть людей на палубе. Но Олег решил, что его и отца могут обстрелять. Валерий же понял, что спасти их может только обман. Он выключил двигатель и поднял руки, как будто бы сдаваясь. Когда кеч приблизился, Валерий взялся за веревку, к которой привязал водонепроницаемую динамитную шашку. Он поджег фитиль, бросил динамит в воду и потянул его за веревку так, чтобы он оказался где-то между Минаковыми и их возможными преследователями.

Иллюстрация: R. Fresson

Взрыв прогремел, когда кеч находился примерно в ста метрах от лодки. Грохот был ужасным, и преследователи остановились. Может быть, подумал в этот момент Олег, они испугались, что наткнулись на морскую мину. Он знал о таких с самого детства.

Валерий свернул на юг, против ветра, надеясь, что советский парусник не погонится за ними. Волны разбивались о борта. Но тут отец с сыном увидели паруса кеча — преследователи бросились в погоню. Спасти могла только скорость, поэтому Валерий открыл заслонку двигателя и сделал все возможное, чтобы облегчить лодку. Он выбросил за борт насос для откачки воды. Следом полетела фляга с питьевой водой. Это был отчаянный шаг. Он понимал, что они с сыном просто погибнут в океане без пресной воды. Но страх быть пойманными оказался сильнее.

Вскоре Минаковы получили преимущество: по воде побежали глыбы льда, и их юркая лодка гораздо лучше кеча преодолевала эту полосу препятствий. А потом пришла настоящая удача. Ветер стих, и налетел густой туман, окутавший все вокруг и укрывший Минаковых. Однако и их туман заставил притормозить, чтобы не врезаться в льдину. Посреди моря погнутый винт может самым жестоким образом

решить их судьбу. Олег скрючился на носу, сжимаясь каждый раз, когда лодка обходила очередную льдину.

Учитывая обстоятельства, Валерий на ходу скорректировал план: вместо того чтобы держать курс к устью Юкона, он решил высадиться посреди пролива — на острове Святого Лаврентия. Этот остров имел в длину почти 150 километров и находился уже на американской стороне «ледяного занавеса». В то время на острове проживали около 600 человек, почти все они были юпиками.

Но перед тем как сойти на берег Святого Лаврентия, Валерий остановился на небольшом скалистом островке в непосредственной близости от берега. Он достал зеленый эмалированный чайник и наполнил его найденными в расщелинах яйцами чаек. Он собирался преподнести их в качестве подарка юпикам на острове Святого Лаврентия.

Но в этот момент четверо островитян уже внимательно наблюдали за Валерием и Олегом. Пара бледнокожих незнакомцев, выброшенных на берег, вызывала массу подозрений. Островитяне опасались, что Минаковы были советскими шпионами, ведь практически сразу после капитуляции Германии хрупкий союз США и СССР начал разваливаться. В июне 1945-го военный редактор *New York Times* Хэнсон Болдуин охарактеризовал советскую внешнюю политику как «резкую, жесткую, агрессивную и безжалостную». И именно в этот момент Минаковы прибыли на остров Святого Лаврентия. Одновременно многие в США опасались, что японцы, которые на тот момент еще продолжали сражаться, могли вторгнуться на Аляску, чтобы

захватить ее богатые месторождения платины — металла, используемого для изготовления взрывчатых веществ. В сотне населенных пунктов вдоль побережья и на некоторых островах были созданы добровольческие отряды обороны. Многие из этих добровольцев, в основном представители коренных народов Аляски, были обучены и вооружены.

Территориальная оборона на острове Святого Лаврентия почти полностью состояла из юпиков. Их база находилась в поселении Савунга, и именно там в районе полуночи Минаковы пристали к берегу, примерно через 20 часов после того, как отправились в плавание. Валерий отдал подошедшим к ним людям яйца чаек и как мог попытался объяснить свою ненависть к Сталину. Он также дал понять, что если его отправят обратно, то он застрелит сына, а затем покончит с собой.

Фрэнк Доэрти, школьный учитель и по совместительству диспетчер связи территориальной обороны, был у себя дома в Гэмбелле, самом крупном поселении на острове, когда по его коротковолновому радио передали известие о прибытии Минаковых. Доэрти тут же отправил катер, чтобы русских перевезли в Гэмбелл. От Гэмбелла до Савунги было почти сто километров по штормящему морю, и к моменту, когда катер прибыл, Олег уже успел завоевать сердца жителей Савунги. «Мальчик был в сапогах, зимней шапке и шубе на овчине, — писал позже Доэрти в журнале "Аляска". — Он моментально адаптировался и стал заводилой в играх детей Савунги».

Помня об угрозе Валерия, отца и сына разделили на пути в Гэмбелл. Валерий шел на собственной лодке, а Олег плыл с Дейвом Эвансоном, 24-летним синоптиком Национальной метеорологической службы. Он был родом из Северной Дакоты, переехал на Аляску в 1940 году, отрастил волосы и в свободное время снимал антропологические кинозарисовки. Проведя весь день в море, Эвансон решил пополнить запас еды в 15 километрах от Гэмбелла. Он пришвартовался к берегу в точке, которую местные называли Лагерем Лестера. Когда он потом попытался столкнуть лодку обратно в воду, большая волна перевернула ее, а Эвансона потянуло в море. «Я вытащил его из воды и выволок на берег», — рассказывал позже Олег.

Иллюстрация: R. Fresson

Эвансон был умелым механиком — в детстве он делал планеры из бальзового дерева, которые запускал с крыши сарая. Но сейчас двигатель лодки был безнадежно залит водой, возможно, полностью выведен из строя. Добраться до Гэмбелла было невозможно, и Эвансон с Олегом никак не могли никому сообщить, где они.

На берегу стоял сарайчик, и Эвансон уговаривал Олега оставаться в нем, греясь под одеялами из оленьих шкур. Олег отказывался. Эвансон предложил

мальчику сардины, но Олег отказался и от них, в итоге съев только сухари. Следующие несколько дней оба спали на мешках с мукой и питались консервами. «Мы мало общались, — вспоминал Олег. — Я держался сам по себе».

Олег не испугался. Он и раньше бывал в сложных ситуациях. «Я знал, что папа в конце концов придет и спасет меня», — говорил он. Ожидая спасения, Олег часами гулял по берегу в одиночестве.

Время от времени они слышали гул гидросамолетов американских ВМС. «Мы понимали, что нас ищут, но мы их не видели, — сказал Олег. — Туман никак не рассеивался». Потом один из пилотов заметил лодку Эвансона, но не смог приземлиться — море было слишком неспокойным.

В Гэмбелле все были настолько обеспокоены судьбой Эвансона и Олега, что в пресвитерианской церкви устроили молебен. Валерий же добрался в целости и остановился у Фрэнка Доэрти. Он не знал, жив его сын или мертв, и ничего не понимал о собственном будущем. Когда Доэрти предложил помощь в возвращении Минаковых на Чукотку, Валерий написал умоляющую записку. Он писал, что в Советском Союзе его сыну предстоят испытания похуже, чем «черные силы ада»: «Наши жизни в ваших руках. Не выдавайте нас нашему государству, а пустите нас лучше на все четыре стороны. Это совсем несложно сделать». Через какое-то время океан успокоился, и несколько человек из Гэмбелла смогли добраться до Лагеря Лестера на кожаном каяке — увеличенной версии той лодки, на которой бежали Минаковы. Эвансона и Олега перевезли в

Гэмбелл и отдали мальчика отцу. К тому времени Доэрти принял решение поддержать Валерия, и вместе с беглецом они подали в Государственный департамент США заявление о предоставлении убежища.

4 июля 1945 года Олег наблюдал, как молодые юпики отмечали День независимости, прыгая в ледяной океан и плавая в узких протоках воды, бурлящей между льдинами. Потом он пошел на праздничный обед, съел кусок китового жира, и его вырвало.

Валерий тоже радовался жизни в свободной стране. Увидев в доме у Доэрти фарфоровую ванну, он воскликнул: «Америка! Америка!».

Но вскоре, 12 июля, на горизонте показался корабль. Он приближался к Гэмбеллу, как писал Доэрти, «со стороны российской военно-морской базы в бухте Провидения». Учитель спрятал Валерия в шкафу. Олег в этот момент играл на улице, но понял, что ему тоже нужно укрыться. Он бросился к заброшенному зданию и нашел там бак с деревянной крышкой, наполовину заполненный углем. Мальчик забрался внутрь и присыпал себя сверху углем.

Советские солдаты задержались ненадолго, корабль стоял на якоре всего несколько минут, но Олег еще много часов прятался в баке с углем. Несколько человек заглядывали под крышку, но мальчик молчал. Только потом Доэрти решил заглянуть в бак поглубже и наконец нашел Олега. Впоследствии он писал: «Увидев лицо этого мальчика, я понял истинное значение термина "леденящий душу страх"».

Но перед Минаковыми возникла еще одна угроза. На острове Святого Лаврентия приземлился военный самолет США с тремя офицерами армейской разведки, переводчиком и агентом ФБР. Эта группа провела три недели, расследуя дела Минаковых и допрашивая Валерия. Они говорили с ним обо всем на свете, чтобы определить, шпион он или нет.

Досье ФБР на Минаковых, насчитывающее более 350 страниц, сейчас уже рассекречено. Из него следует: когда Валерий рассказал историю своего перехода через Берингов пролив, собеседники посчитали, что он «не вызывает доверия». Они сомневались, например, что опытный советский моряк решился выбросить за борт питьевую воду, и прямо сказали Валерию, что не верят ему. «Ему позволили, — сообщает отчет ФБР, — вернуться в свою комнату, где он около часа непрерывно и беспокойно ходил».

25 июля армейский самолет доставил Минаковых в Анкоридж, где допросы продолжились. Из Анкориджа Минаковых переправили в Сиэтл, где они были переданы Службе иммиграции и натурализации. Олег вспоминал: «Нас держали в маленькой комнате, которая была разделена пополам решеткой, не

доходящей до потолка. Папу каждое утро забирали на допрос, и я перелезал над решеткой, забирался на окно и часами смотрел на автомобили внизу».

«Я не понимал, за что мы оказались в тюрьме, — продолжал Олег, — а отец просто ходил взад-вперед по комнате, скрежетал зубами и курил. Он был глубоко погружен в собственные мысли».

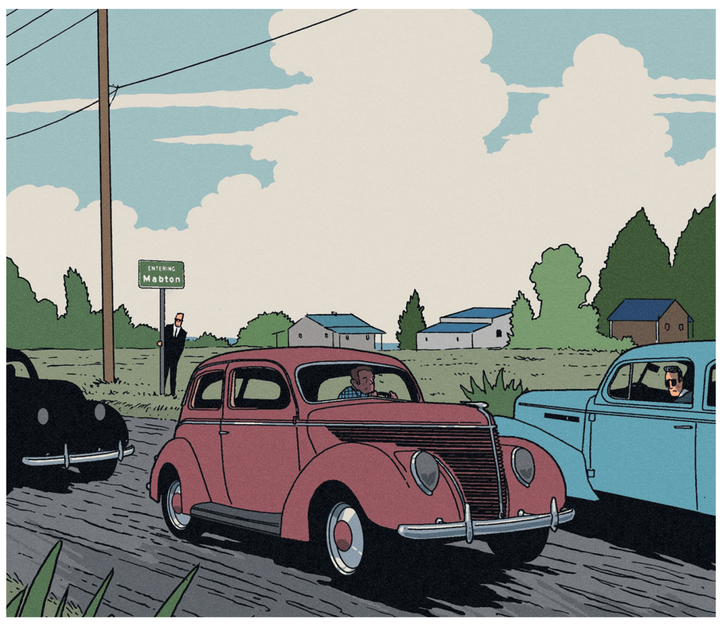

Иллюстрация: R. Fresson

Часть вторая

В итоге, как сказано в деле ФБР, «расследование не выявило признаков того, что объект является вражеским шпионом». Минаковы не просто преодолели опаснейший путь — теперь у них был новый дом, они получили вид на жительство в США.

Но с самого начала Валерий чувствовал себя чужаком, особенно когда пытался влиться в весьма многочисленное русскоязычное сообщество Сиэтла. 16 августа 1945 года он писал Фрэнку Доэрти, что надеется издалека потопить режим Сталина и его прихвостней: «Я думал, что за границами России смогу эффективнее бороться с этим Зверем, который именует себя Партией». Но он был обескуражен тем, насколько окружавшие его эмигранты безразличны к злодеяниям Сталина. «Большинство русских здесь

потеряли свою идентичность, — продолжал он. — Они представляют собой массу, из которой большевикам крайне удобно вербовать агентов для своих темных дел».

Валерий испытывал симпатию лишь к одному русскому в Сиэтле — немолодому уже священнику Михаилу Данильчику, который служил в соборе Николая Чудотворца. Отец Михаил лично руководил строительством великолепного пятиглавого храма и был убежденным антикоммунистом, или «бешеным монархистом», как характеризовал его Валерий в письме к Доэрти. Когда собор открылся в 1937 году, как сказано на его сайте, он стал «памятником царю-мученику Николаю II, царской семье и всем русским людям, погибшим за Веру, Царя и Отечество».

Отец Михаил считал, что иерархи в России сбились с праведного пути, связавшись с безбожниками-коммунистами, а своей целью видел сохранение истинной веры в сиэтлской общине. Он помогал многим вновь прибывшим русским, включая Валерия, обустраиваться в городе. «Это очень добрый человек, — писал Валерий Доэрти. — Принял меня у себя дома… помог мне с работой». Он стал работать в автомастерской.

Но Валерию не суждено было задержаться в мастерской, на жаловании 1,38 доллара в час. У Доэрти была сестра, которая жила в 300 километрах от Сиэтла, в малонаселенной части штата Вашингтон, среди пшеничных полей. Мейбл Аптон управляла домом престарелых при общине адвентистов седьмого дня в крохотном

городке Мэбтон. Вместе с мужем Уильямом они пригласили Минаковых пожить у них какое-то время. Казавшиеся бескрайними поля вокруг дома Аптонов напоминали Валерию о родной Украине. Минаковы перебрались в Мэбтон, и Валерий, который почти не говорил по-английски, принялся за череду низкооплачиваемых работ, например, помогал на ферме обрезать деревья, которые мешали электрическим проводам.

Чего Валерий не предвидел, когда принимал решение о переезде, так это реакции отца Михаила. Священник был информатором ФБР. В 1948 году он рекомендовал бюро пристально следить за Валерием: дом Аптонов, где он жил в полуподвальной квартире, был совсем рядом с Хэнфордским комплексом[3] — первым в мире полномасштабным плутониевым реактором.

ФБР к тому времени стало очень мощной и влиятельной организацией. Число агентов бюро выросло в пять раз с 1940 по 1945 год, и их главной задачей была борьба с огромной сетью советских шпионов в американском ВПК, которые охотились за военными планами и секретами производства самолетов и радаров. Но «главной целью советских шпионов», как сказано в докладе ФБР 1945 года, была атомная бомба.

Мог ли Валерий быть причастен к этому? Согласно досье ФБР, он переехал в Мэбтон «без всякой видимой причины», вел себя странно и нервно. И хотя у бюро не было доказательств его шпионских связей, времена царили весьма параноидальные. Именно летом 1948 года чиновник по имени Элджер

Хисс[4] давал показания комиссии Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности, которая обвиняла его в шпионаже в пользу СССР.

1 июля телефонный оператор сообщил ФБР, что из дома Аптонов звонили в Сиэтл некоему русскому человеку по фамилии Цивинский. Вскоре Адам Цивинский стал соседом Валерия. Вполне возможно, что по телефону они обсуждали, как такое соседство позволит им сэкономить на электричестве, но ФБР заподозрило коммунистический заговор. В середине августа шестеро федеральных агентов прибыли в Мэбтон, чтобы четыре дня вести наблюдение за Валерием. С чердака соседского амбара они тщательно фиксировали его быт:

14.08.48, 19:05. Объект приехал во двор, вышел из машины, поговорил с мальчиком (предположительно сыном), после чего оба спустились в подвал.

Журнал наружного наблюдения показывает жизнь одинокого человека. Как-то вечером Валерий поехал в кинотеатр: на нем были темно-синяя куртка, белая рубашка, коричневые габардиновые брюки и бордовые замшевые туфли. Во время сеанса он сидел сзади, в полном одиночестве. После кино он зашел в бар. «Объект выпил одну кружку пива, — отмечает агент в короткой записи. — Объект не был замечен в общении с кем-либо ни в кинотеатре, ни в пивной».

В антикоммунистическом угаре соседи Валерия, казалось, были только рады помогать ФБР. Они предлагали агентам кров и места для ведения слежки, а также снабжали их ворохом подробностей о его жизни, вплоть до содержимого писем, которые

он получал. Даже Фрэнк Доэрти передал в бюро задушевные послания, которые Валерий писал ему с острова Святого Лаврентия.

Едва ли Валерий знал об этой череде предательств, но когда агенты следили за его «олдсмобилем» 1938 года, вел он себя так, словно знал о слежке и, возможно, страшился ее. «Зафиксирован случай, — говорится в рапорте, — когда объект остановил автомобиль на обочине, поставил его под углом 90 градусов к шоссе и наблюдал за проезжавшим потоком машин». Он водил «нервно»: делал много «бессмысленных поворотов, меняя направление движения без видимых причин».

Валерий ощущал, что живет в атмосфере недоверия. Опыт сталинского СССР позволял ему чувствовать самые разные оттенки паранойи. Он бежал из мира темных подозрений и зловещих недомолвок, но теперь они проникали в его американское убежище, и это становилось невыносимым.

Согласно его истории болезни, в 1949 году Валерий рассказал своему врачу, что к нему «в комнату заходят бородатые мужчины и пытаются гипнотизировать его»: «Он подозревал, что эти люди хотят его отравить и установили в его комнате прослушку». Аптоны рассказывали, что «он часто бывал на улице и мог просидеть там полдня, уставившись в одну точку». Иногда он кричал: «Злые силы ополчились на меня!».

Сыну Олегу он описывал своих преследователей как «мужчин в черных костюмах». Всякий раз, когда он чувствовал, что кольцо сжимается, велел мальчику

бежать и прятаться, пока Валерий не удостоверится, что опасность миновала. Иногда мальчик много часов проводил, прячась в траве на лугу или в овраге.

Однажды Валерий с сыном гуляли по окрестным холмам. Но наладить по-настоящему близкие отношения у них не получалось. Больше того, они едва могли общаться: вскоре после того как мальчик оказался в Америке, он практически забыл русский язык. Олег один играл в высокой траве, а его отец сидел поодаль на камне и курил.

Иногда Валерий бредил возвращением в Советский Союз, говорил, что должен убить Сталина. Иногда начинал видеть кругом сталинских агентов. 30 июня 1949 года он явился в сиэтлский офис ФБР и стал убеждать агентов, что Михаил Данильчик на самом деле не священник-монархист, а лидер большевистской шпионской сети в Сиэтле. В апреле 1950-го Валерий собрался навестить своего бывшего соседа Адама Цивинского под предлогом, что ему нужно забрать лампу и проигрыватель. Но приехав к нему, как писал Цивинский окружному прокурору, «попытался меня убить». В этом письме, которое Цивинский также направил директору ФБР Эдгару Гуверу, он объяснял: «В тот момент, когда Минаков поднял для удара руку, я смог убежать к соседям».

Два месяца спустя в поисках работы Валерий оказался на восточной окраине штата Вашингтон. В городе Ритцвилл у него сломалась машина. Он бросил ее и пошел пешком к ближайшей ферме. В руках у него, как сказано в досье ФБР, были «труба и нож». Фермер решил, что он «бродяга». Когда приехали полицейские, Валерий стал говорить, что

у него украли машину, хотя она стояла на обочине неподалеку. В итоге из-за «странного поведения» его отправили в местную тюрьму. Там он вырвал из бетонной стены приделанную к ней железную шконку и принялся колотить ею в дверь камеры. Он грозился убить тюремщиков, и «понадобилось несколько сотрудников, чтобы его утихомирить», сказано в рапорте об инциденте. Сотрудникам пришлось использовать слезоточивый газ.

Несколько часов спустя Валерия перевели в психиатрическую больницу штата Вашингтон в городке Медикал-Лейк, где ему был поставлен диагноз «параноидальная шизофрения». В этом учреждении он проведет следующие 17 лет.

Как и многие психиатрические лечебницы той поры, больница в Медикал-Лейк была основана на принципах «гуманного отношения к больным», согласно которым свежий воздух и изящная архитектура могли способствовать их исцелению — как и вода в местном озере, которое дало название городу. Но не зря Кен Кизи написал в 1962 году роман «Пролетая над гнездом кукушки», и вскоре после его выхода закрылось так много психиатрических клиник: в середине XX века это были весьма мрачные учреждения, где «гуманное отношение» вытеснялось радикальными процедурами вроде лоботомии, а всех пациентов считали умственно отсталыми, ущербными или даже опасными.

Когда Валерий оказался в Медикал-Лейк, в единственном переполненном здании больницы было около двух тысяч пациентов. По ограде, отделявшей их от внешнего мира, была пущена

колючая проволока. Ходить на озеро было нельзя, врачи довольно часто запрещали Валерию видеться с посетителями, опасаясь, что общение с ними может нанести урон его хрупкой психике.

В 1953 году отец Михаил решил навестить Валерия, но персонал отказал ему в свидании. А когда его сын Олег приехал в больницу вместе с Мейбл Аптон, которая к тому времени стала его приемной матерью, ему пришлось ждать в машине, пока она навещала Валерия. «Я чувствовал себя очень виноватым, потому что никак не мог ему помочь, — говорит Олег. — Много плакал». В 1951 году, когда ему было 13, Олег написал письмо врачам отца: «Когда ему станет лучше, как вы думаете? Знаете, это плохо, конечно, когда у тебя есть только один папа и больше никого». А еще он писал отцу, но Мейбл настояла, что будет редактировать эти письма. Она хотела убрать из них все, что могло бы расстроить Валерия. «Из-за этого меня охватывало чувство беспомощности, — рассказывает Олег. — Вплоть до того, что я вообще не знал, о чем писать».

В школе Олега называли «грязным коммунякой». Но сам он уже считал себя американцем — и смотрел на холодную войну с американской точки зрения. Вместе со сводным братом Томми Аптоном он доводил до совершенства «сталинское приветствие»: струя мочи должна была описать максимально размашистую дугу в воздухе.

Олег вырос высоким красавцем с располагающей улыбкой. Он с легкостью разбирал и собирал автомобили и часто разъезжал по городу на стильных машинах вроде седана «Форд» 1949 года, который он

угнал от кинотеатра как-то вечером. При этом он был кротким парнем, любимцем всей школы. Девушки были от него без ума.

Олег весьма легкомысленно относился к учебе. Он бросил школу в 11-м классе и несколько раз попадал в полицию за распитие алкоголя и угоны. Он был очень работящим — когда Аптоны просили его помочь со сбором урожая или починить пресс для сена, он охотно брался за дело, — но ему не хватало целеустремленности. Словно он все еще был мальчишкой в Беринговом проливе, который плывет по течению, совершенно не контролируя куда.

Когда Олегу было 18, местный полицейский пригрозил ему большими неприятностями, если он не пойдет служить моряком. Он записался во флот, но, поскольку никогда не слышал будильника, проспал сборы. Своенравие Олег обычно объяснял так: «Я хотел быть свободным, точно так же, как папа». Но в его жизни, казалось, не хватало смысла. Когда ему было чуть за 20, он работал в страховом агентстве в Сиэтле (занимался копированием документов) и устраивал огромные вечеринки, где собирались стильные молодые женщины из парикмахерской школы. Он курил траву и смотрел сериал «Звездный путь» на восьми телевизорах одновременно. Иногда после наркотиков он начинал плакать и вспоминать Валерия. «Он очень скучал по отцу, — говорит Ноэль Бартон, бывшая девушка Олега. — И все время говорил об отце. Думаю, именно поэтому он курил столько травы — чтобы заглушить эти чувства».

Пока Олега несло по течению, Валерий опускался все глубже в пучину страданий. «Он редко говорит,

— писал его врач в 1955 году. — Ведет себя странно, злобен и подозрителен, часто бывает раздражен». Запись в истории болезни от 1956 года гласит: «Установить наверняка, подвержен ли он бредовым состояниям, не удается». Другая запись, 1965 год: «Вызывает сомнение, можно ли будет его когда-либо выписать из больницы».

Когда Олег вырос, он видел Валерия лишь однажды. В 1961 году он навестил отца в Медикал-Лейк — и тот сидел в огромной клетке. Валерий выглядел вялым, но пришел в негодование, увидев сына, и челюсти его ходили ходуном. «Почему ты мне не помог? — спрашивал Валерий. — Почему ничего не сделал, чтобы вытащить меня отсюда?». Позже директор лечебницы Харрис Ф. Баннелл и один из социальных работников написали Олегу письмо, в котором винили его в состоянии отца. «Мы считаем, — писали они, — что отец принял вас так потому, что очень долгое время ничего от вас не слышал».

Иллюстрация: R. Fresson

Часть третья

Октябрь 2021 года, я в городе Сан-Рафаэль, штат Калифорния. Уже несколько недель здесь засуха. По мостовой летят пожухшие листья, теплый ветерок

дует в гостиничном дворе, где я устроился на солнце, чтобы пообедать. Я жду Олега Минакова.

В 1966 году, в расцвет эпохи хиппи, Олег на своем розовом кабриолете «линкольн» и в сопровождении новой жены-шведки переехал в Сан-Франциско. С тех пор он живет в Калифорнии. Поначалу он работал вышибалой в «Красном воздушном шаре», ночном клубе в районе Норт-Бич. Позже он стал поставщиком травы у Карлоса Сантаны, потом механиком психоделической группы *Charlatans*-, которые одевались в стиле денди времен Оскара Уайльда. Он развелся с женой-шведкой и перебрался в коммуну хиппи под названием «Оломпали». Там часто бывала группа *Grateful Dead*-, а основатель и содержатель коммуны Дон Маккой как-то раз, объевшись кислоты, решил, что он — Мессия, призванный нести «мир, любовь и взаимопонимание» западному миру.

Олегу 83[5], и полгода до встречи мы общались по телефону — о том, как он перебрался через Берингов пролив и что было дальше. Это был очень медленный процесс. У Олега болезнь Паркинсона, которая сильно влияет на его речь и способность двигаться. Иногда в середине фразы он останавливается на секунду-другую, чтобы синапсы в его мозгу успокоились. Он ведет разговор очень открыто, без самопрославления, но и без ложной скромности, откровенно и вдумчиво отвечает на вопросы.

— Что вы знаете о предках отца? — спросил я его как-то раз.

— Ничего.

— Вы пережили встречу со Сталиным. Вы пережили путешествие через Берингов пролив. Как это укладывается у вас в голове?

— Если бы я писал об этом книгу, то назвал бы ее «Сонм ангелов». Потому что я бы не выжил, если бы обо мне всю жизнь не заботились самые настоящие ангелы.

Олег опаздывает на нашу встречу. У него тяжелые выходные. Вообще-то он живет в доме ветеранов в городке Юнтвилл, в часе с лишним езды к северу от моей гостиницы. Но последние пару дней он гостил у своей подруги — 58-летней певицы Анны-Лизы Смокер, с которой у них сложились очень глубокие отношения, одновременно платонические и бурные. Сегодня она занята, так что Олег снял комнату в моей гостинице. Таким образом, он будет под моим присмотром, хотя сам он на это особо не рассчитывает.

Кажется, Олег смирился с зыбкостью и непостоянством своей старости. Вся его жизнь была такой. Прежде чем ему поставили диагноз, он 35 лет был разнорабочим, каменщиком и автослесарем. Он по-прежнему верит, что «пейотль[6] позволяет соединиться с богом», и в 1992 году попался на торговле кислотой, в результате чего провел полгода за решеткой. Джули Ланзарин, которая была его партнершей с 1970-х до начала 1990-х, вспоминает, как агенты управления по борьбе с наркотиками обыскивали их дом. «Мой восьмилетний сын Тахан

был вынужден смотреть, как к голове его отца приставляют пистолет», — рассказывает она.

Наконец Смокер подвозит его к гостинице на своем старом красном «мустанге». Худощавый, седой и сгорбленный, он выбирается из машины, выставив вперед руки, словно пытаясь защититься от чего-то, как часто делают люди с Паркинсоном. С собой у него мусорный мешок, набитый одеждой, и большой арбуз. Мы заходим в гостиницу, Олег поспевает за нами в старых потрепанных тапках-мокасинах. В номере — он называется «Капитанский» — Олег поражается окну в крыше и ванне на львиных ножках: «Потрясное местечко!».

Трудно передать словами ту симпатию, которой я в этот момент проникаюсь к Олегу. Несмотря на все тяготы, через которые ему пришлось пройти, в нем осталось вдоволь жизнелюбия, и он выражает его языком Сан-Франциско образца 1967 года. В его жизни, так похожей на авантюрный роман, по-прежнему много абсурда. Почему, к примеру, он притащил с собой этот арбуз? Но, кажется, вопрос надо ставить иначе: а почему, собственно, и нет? Мы с Олегом садимся и начинаем его резать.

Олег рассказывает мне, как много лет назад пытался справиться с недугом, похожим на дислексию. Для этого он разработал «земной алфавит», который соединил в себе греческие и латинские буквы, а также дополнительные знаки — всего больше двух сотен. Он придумал это фонетическое письмо, чтобы облегчить процесс чтения, и где-то около 1970 года оно даже принесло ему некоторую славу. Один из музыкантов *Grateful Dead* — Олег уже не помнит, кто именно —

повесил свиток с «земным алфавитом» у себя дома. В 1985-м Олег писал в мемуарах, которые так и не были опубликованы, что надеялся «объединить все языки Земли» и таким образом исполнить желание отца: «Доказать, что на планете существует хотя бы один хороший русский… который смог сделать этот мир лучше».

И вот уже Олег уже напевает мне «земной алфавит». Сначала он секунд десять очень выразительно мычит, затем переходит на джазовый скэт и лишь после этого начинает: «Эй, запад-восток, а теперь в бок».

Когда он кончает петь, мы возвращаемся к обсуждению Валерия. Олег вспоминает, как в детском доме он сидел на коленях у Сталина. «Где-то в подсознании тогда засела мысль, что за спиной у меня папа, как тень, следит за всем, — объясняет он. — И с тех пор эта тень неотступно следовала за мной. Прямо сейчас я говорю с вами и представляю его. Он там, говорит мне, чтобы я был добродетельным человеком».

Олег очень сожалеет, что так и не смог вызволить отца из больницы. Когда он жил в коммуне «Оломпали», рассказывает Олег, хотел привезти туда Валерия. Это был не очень реалистичный план. В «Оломпали» — название было результатом сложения двух мивокских[7] корней и значило что-то вроде «южная деревня» — царил хаос, и временами там вообще было небезопасно. В феврале 1969 года главное здание коммуны сгорело после короткого замыкания в примитивной проводке. А в июле две маленькие девочки, за которыми никто не присматривал,

катались на трехколесных велосипедах по краю бассейна, упали в воду и утонули.

Но из нашей беседы я заключаю, что Олег верит: план мог сработать, если бы он раньше позвонил в Медикал-Лейк. «Я казню себя за то, что не вытащил его оттуда, — говорит он. — У меня до сих пор сердце кровью обливается».

В конце вечера, когда я уже собираюсь к себе в номер, Олег просит меня включить телевизор: «Я всегда под него засыпаю. Если телевизор выключен, я все время думаю о том, что не вытащил папу из тюрьмы». В номере Олега при входе в ванную довольно высокая ступенька, и всю ночь я волнуюсь, не споткнется ли он об нее. Около трех ночи я спускаюсь вниз, чтобы проведать его. Он спокойно спит, похрапывает. Работает телевизор.

Не я один попал под обаяние Олега. С Джули Ланзарин они расстались три десятилетия назад, но продолжают общаться. На следующий день она заезжает за нами в гостиницу, и мы отправляемся обедать.

Ей 63 года. В школе она была звездой баскетбольной команды, как-то раз набрала 59 очков за игру. Сейчас работает тренером в частной школе. Джули производит впечатление человека жизнерадостного и практичного. Именно она устроила Олега в дом ветеранов, а еще помогла мне получить доступ к истории болезни Валерия. Зеленый чайник, в который тот собирал чаячьи яйца на острове Святого Лаврентия, хранится у нее в кладовке — вместе с иммиграционными документами Олега.

Они познакомились в коммуне «Оломпали», Джули тогда было десять. Шесть лет спустя, в 1974 году, ее родители пропали: мать захватила религиозная секта, а отца — алкоголь и вторая семья в штате Нью-Мексико. Олег, который уже много лет дружил с родителями Джули, позвал ее пожить с ним. Они вступили в романтическую связь — не просто неприличную, но и незаконную, о которой Джули, впрочем, вспоминает с теплотой: Олег был очень нежным и заботливым. «Он меня очень поддерживал, — говорит она. — И когда я хотела бросить школу, он не дал мне это сделать. У меня, кроме него, никого не было». Вместе они прожили больше 15 лет.

Когда у Олега диагностировали болезнь Паркинсона, Ланзарин сразу поняла: теперь ее черед ухаживать за ним. Теперь переживает она. «Только посмотрите, до чего он докатился», — сказала она мне как-то раз, имея в виду, что он живет в доме престарелых, без семьи.

Валерия она, конечно, никогда не видела, но хорошо знает историю его жизни. А еще знает, что нет никаких документальных свидетельств того, что какому-нибудь другому советскому мальчику удалось

бежать в Америку через Берингов пролив. «Валерий рисковал жизнью, чтобы его сын оказался в США, — говорит она. — Он надеялся, что Олег станет... ну, не знаю, инженером. Не думаю, что Олег считает себя тем самым хорошим русским».

На следующий день мы с Джули везем Олега обратно в дом ветеранов. Болезнь Паркинсона дает о себе знать. Олег выглядит угрюмым, замкнутым. «Я и так рассказал вам слишком много», — говорит он.

Джули очень ласкова с Олегом, вспоминает все старые машины, которые он ей починил. «А еще был "сааб", у которого не работала задняя передача», — говорит она.

В Юнтвилле мы делаем короткую остановку: Джули помогает Олегу купить новые тапочки. Он немногословен. Но я решаю, что даже в этом его раздраженном состоянии есть что-то обаятельное. Это обаяние засело очень глубоко, и в чем-то Олег напоминает насупленного ребенка. Ноэль Бартон, с которой он прожил много лет, так описывает его: «Он добрый и простой человек. Упрямый, но начисто лишенный жадности или зависти».

Мы едем по городу, и Олег выглядит мрачным и задумчивым, а Джули ласково поддразнивает его. «Ох, Олег, — говорит она. — Папа посадил тебя в каяк, привез в другую страну, а потом исчез. Немудрено, что у тебя все так сложно!».

На лужайке перед домом ветеранов, прежде чем Олег заходит внутрь, Джули его стрижет. Я наблюдаю, как легкие пряди его седых волос разносит по траве ветер.

Когда мы наконец добираемся до заднего входа в дом, он настаивает на том, что дальше справится сам. Последний раз я вижу его, когда он толкает кресло-коляску со всем своим скарбом по длинному выложенному линолеумом коридору. Его немного покачивает, идти в новых тапках тяжело, но он продолжает двигаться вперед.

И в этом смысле его путешествие продолжается.

Автор: Билл Донахью

Оригинал: *The Voyagers*, *The Atavist Magazine, No. 124, February 2022.*

Перевод: М.К. и Д.Г.

1. Подводная отмель в Беринговом проливе.

2. Поскольку город был последним пунктом на пути военных грузов из США в СССР.

3. Комплекс по производству радиоактивных материалов на берегу реки Колумбия в штате Вашингтон, построенный в 1943 году в рамках Манхэттенского проекта. Здесь располагался реактор B, производивший плутоний, который, в частности, использовался в атомной бомбе «Толстяк», сброшенной на Нагасаки 9 августа 1945 года.

4. Американский чиновник, представитель Госдепа при создании ООН. В 1948 году был обвинен в шпионаже в пользу СССР, а два года спустя осужден за лжесвидетельство в связи с этим обвинением. Отсидел три с

половиной года, но все это время и после выхода на свободу настаивал на своей невиновности.

5. На момент написания текста, в 2021 году.

6. Кактус, содержащий психоделик мескалин.

7. Группа языков коренных жителей Северной Калифорнии, входящая в утийскую языковую семью.